

УДК 398.224(=512.153)
DOI 10.25587/q2256-5725-7619-m

Ю. И. Чаптыкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ОБРАЗ ШАМАНКИ В ХАКАССКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ (на примере сказаний С. И. Шулбаева)

Аннотация. В статье впервые рассматривается образ шаманки в героических сказаниях хакасов, тексты алыптыг нымахов, записанные от сказителя С. И. Шулбаева, вводятся в научный оборот. Целью исследования является определение типа женщин, сведущих во всех трёх мирах, сравнение топосов, встречающихся на пути шаманки в Нижнем мире героического эпоса и в путешествии в «мир мертвых» реального шамана. Для осуществления поставленной цели исследования использованы описательный, сопоставительный методы. В героическом эпосе хакасов типы женщин, сведущих во всех трех мирах, обладающих магическими свойствами, волшебными предметами, встречаются часто. Сказитель обозначает их словами *niłigči, kōričči*. В алыптыг нымахе есть много женщин, умеющих предсказывать будущее, благословляющих главных героев на подвиги, давая ценные советы. Есть героини сказаний, умеющие исцелять, лечить богатырей, женщин, умеющих перевоплощаться в различных птиц и зверей. Богатырки, имеющие «птичье» одеяние, являются переходными, когда образ зооморфных помощников уходит, вера, связанная с тотемом-предком, потихоньку угасает, на смену приходят образы женщин-помощниц и советниц эпического богатыря. Новизна исследования в том, что данный тип женщин в эпосе впервые рассматривается на образе шаманки. Ранее обозначались как защитницы рода, советчицы богатыря. В древних хакасских сказаниях образ мужчины-шамана встречается редко. Как мы знаем, данный персонаж был введен намного позднее, когда помощь шамана, имеющего девять бубнов, стал необходим. В сказании «Хубан Арыг» вводится образ Толгай-хама, подробно описано камлание шамана с девятью бубнами. Мы считаем, что данный эпизод более поздно привнесен в тело эпоса, тем более традиции жанра это позволяют.

В статье также проведен сравнительный анализ образа шамана в этнографической литературе и в эпосе хакасов. Выявлены схожие элементы в описании дороги героя в «мир мертвых», шаманы имеют одинаковые средства передвижения по потустороннему миру, аналогичные хитрые уловки, помогающие перемещаться в ином мире, похожие способы проверки состояния «души» умершего.

Следует отметить, что данное исследование может способствовать дальнейшему раскрытию образа шаманки в эпосе и более глубокому рассмотрению этой проблемы.

Ключевые слова: героический эпос; шаманизм; образ шаманки; сказитель; Шулбаев; превращение; магические предметы; бубен; Нижний мир; путешествие.

Yu. I. Chaptykova

Image of a Shamaness in Khakas heroic epic: the case of S. I. Shulbaev's tales

Abstract. The article for the first time examines the image of a shamaness in the heroic tales of the Khakas, the texts of *Alyptyg nymakhs* recorded from the narrator S. I. Shulbaev are introduced into the scholarly turnover. The aim of the study was to determine the type of women versed in all three worlds, to compare the topoi encountered on the way of a shaman in the Under World of the heroic epic and in the journey to the “world of the dead” of a real shaman. Descriptive and comparative methods were used to achieve the goal of the research. In the Khakas heroic epic, the types of women versed in all three worlds, possessing magical properties and

ЧАПТЫКОВА Юлия Иннокентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия.

E-mail: yuliya-hakasiya@mail.ru

ШАПТЫКОВА Yulia Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Folklore Sector, Khakas Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia.

E-mail: yuliya-hakasiya@mail.ru

magical objects are common, the narrator denotes them by the words *piligchi*, *kerigchi*. The alyptyg nymakh has many women capable of foretelling the future and blessing the main heroes for feats of arms, giving valuable advice; there are heroines of tales able to heal and treat heroes, women who can transform into various birds and beasts. Bogatyr dressed as “avian” are transitional, when the image of zoomorphic helpers disappears, the belief connected with the totem ancestor slowly subsides, and images of women assistants and advisers to the epic hero replace them. The novelty of the research is that this type of women in the epic was considered in the image of a shamaness for the first time. Earlier they were designated as protectresses of a family, advisers of a bogatyr. In ancient Khakas tales, the image of a male shaman is rare. As we know, this hero was introduced much later, when the help of a shaman with nine tambourines became necessary. In the tale “Khuban Aryg”, the image of Tolgai-khama is introduced, the shaman’s calamation with nine tambourines is described in detail. We believe that this episode was introduced into the body of the epic later, all the more so because the traditions of the genre allow it.

The article also provides a comparative analysis of the image of the shaman in ethnographic literature and in the Khakas epic. Similar elements in the description of the hero’s road to the “world of the dead” were revealed, shamans have the same means of travel in the other world, similar tricks to help travel to the other world, similar ways of checking the state of the “soul” of the deceased.

It should be noted that this study can contribute to the further disclosure of the image of a shamaness in the epic and a deeper consideration of this problem.

Keywords: heroic epic; shamanism; image of a shaman; epic teller; Shulbaev; transformation; magic items; tambourine; Under World; travel.

Введение

Алыптыг ныхмах (*алыптыг ныхмах*) – один из наиболее объемных жанров хакасского фольклора, который отражает представления народа о мироздании и имеет огромную культурную и эстетическую значимость. Хакасский героический эпос является одним из самых древнейших, о чём свидетельствует наличие в нём культурных героев, умеющих исцелять людей целебными травами и «живой» водой; женщин или седых старцов, мудрость которых позволяла вести за собой род.

Шаманизм как форма религии присутствовал почти у всех тюрко-монгольских народов. Научное описание религиозных верований началось с первых академических экспедиций, целью которых было изучение истории и этнографии народов Сибири. Большой вклад в изучение этнокультурной истории внесли такие ученые, как М. А. Кастрен, Н. Ф. Катанов, Л. П. Потапов, В. Е. Майногашева, В. Я. Бутанаев, В. А. Бурнаков и др.

В героическом эпосе как в зеркале отражены традиции, явления, связанные с шаманизмом. Образ шамана был близок сказителю, который передвигался по тем же путям, что и он, поэтому в сказании подробно описывается посещение загробного мира.

В. М. Жирмунский предположил, что на ранних этапах общественного развития имело место совмещение роли певца и шамана [1, с. 401]. В статье «Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев» А. М. Сагалаев акцентирует внимание на посреднической функции шамана и сказителя и на значительном сходстве шаманской и сказительской картин мира [2, с. 53–56].

В хакасском языке человека с особым складом нервной системы и психики, который позволяет ему вступать в прямое взаимодействие с миром духов, и обладающего специальными знаниями, называли *хам* «шаман» [3, с. 795]. Также людей со способностью предвидения, способных общаться с духами, называли *пiligchi* «знахарь, экстрасенс, предсказатель» [4, с. 336], третьих – *körigchi* «знахарь, сведующий» [5, с. 206]. Шаманы могли следить за событиями, которые происходили за многие километры от них, а также за тем, что творилось в ином мире.

В якутском олонхо образы *удаганок* (шаманок) многие исследователи связывали с доминированием в мире героического эпоса явления матриархата. Как отмечал П. А. Ойунский, «следы матриархата встречаются в культе, который в героическую эпоху (олонхо) всецело находится в руках женщины на всех трех мирах. В этой эпохе нет знаменитых ни одного шамана мужчины» [6, с. 27]. В хакасском героическом эпосе – алыптыг ныхмах образов защитниц рода, помощниц и целительниц на начальном этапе развития эпоса представлено больше, чем представителей мужской половины, активно занимающихся защитой рода. Это явление также связано с присутствием в тот период следов матриархата.

В героическом эпосе хакасов образы женщин, сведущих во всех трех мирах, обладающих магическими знаниями, волшебными предметами, сказитель обозначает словами *piligchi*,

көрүгүчү. Тот факт, что в древних хакасских сказаниях образ мужчины-шамана встречается редко, связан, как мы знаем, с тем, что данный герой был введён намного позднее, когда помощь шамана, имеющего девять бубнов, стала необходима.

В данной статье анализируется тип женщин в хакасском героическом эпосе, которые выступают помощницами и советчицами богатыря. Часто встречаются образы женщин, умеющих предсказывать будущее, благословляющих главных героев на подвиги, давая ценные советы. Есть героини алыптыг нымахов, умеющие исцелять, лечить богатырей. В отличие от якутского и бурятского эпоса, где такой тип женщин определяется как *удаганки*, в хакасских героических сказаниях данные героини называются *пiлiгүчi* (знахарка, экстрасенс, предсказательница). До настоящего времени образ подобных женщин в хакасской фольклористике специально не рассматривался.

Образ помощницы, целительницы

В алыптыг нымахах встречается много героинь, умеющих перевоплощаться в различных птиц и зверей. Богатырки, имеющие «птичье» одеяние, являются переходными, когда образ зооморфных помощников уходит, вера, связанная с тотемом-предком, потихоньку угасает, на смену приходят образы женщин-помощниц и советниц эпического богатыря. В героическом сказании «Хан Орба» [7] встречается интересный образ Алтын Харлых, являющейся родословницей рода Хан Орба, которая в течении жизни трёх поколений защищает, оберегает родичей. Она владеет «птичьей» одеждой, обладает магическими знаниями, знаниями о будущем. Кроме того, она сильна, мужественна, не уступает в силе мужчинам богатырям. В нужный момент может умножить силу богатыря, подбросив ему в рот яйцо, либо масло. Так, в сказании «Хан Орба» Алтын Харлых в момент, когда Хан Мирген проигрывает Хара Мартхе, закидывает в рот брата мягкое вещество в виде масла. Благодаря этой своевременной помощи, Хан Мирген одерживает победу над соперницей и остаётся жив. Данный вид помощи женщин-целительниц часто встречается в хакасском героическом эпосе.

Следует отметить, что «функция удаганок-целительниц заключается в излечении пострадавших богатырей и оживлении мертвых. Кроме того, они проводят обряд очищения и благословляют. Второй тип – образы удаганок-богатырок. В эпических текстах многих народов образ девы-воительницы широко распространен» [8, с. 21]. В хакасском героическом эпосе обычно женщины защитницы рода, девы-воительницы, такие, как в сказаниях С. И. Шулбаева Хан Орба, Алтын Харлых, Хубан Арыг (Хубан Арыг) и общеизвестные Алтын Арыг (Алтын Арыг) и Ай Хуучин не имеют семьи, они волею божеств обречены на одиночество. Им предписано защищать родовые владения, помогать богатырям в бою с противниками, заступаться за свой народ и помогать вернуть владения богатырям, не жаждущим наживы.

Хан Орба, сильнейшую богатырку Среднего мира, вызывают на бой с сильнейшей богатыркой Нижнего мира Хазыр Ногас (Хазыр Ноғас), за их сражением наблюдают представители двух миров. Богатырка Хан Орба побеждает соперницу в тяжелейшей борьбе. В героическом эпосе светлые силы всегда одерживают победу над темными.

Введенный сказителем образ богатырки Алтын Чачах поражает: героиня кажется сильнее главной героини, она насквозь видит людей, будто сканируя, характеризует богатырей:

*Алып Алтын Чачах хыс
Хан Орбаны сынап көрген:
Сынын парчаң сөдөгү чох,
Хызарып ахчаң ханы чох
Хыс пала төреен полтыр.
Хан Миргенни сынап көрген:
Күзі илбек, туюх пастыг,
Күлдүк кизи полган полтыр.
Хачан туста Хан Мирген
Ах сарааттыг Ай Арыг хысты
Алып хонарын пiл салган.*

Дева-богатырка Алтын Чачах
Пригляделась к Хан Орба:
Без костей, что могли сломаться,
Без крови, что могла, краснея, течь,
Оказывается, девочка родилась.
Присмотрелась к Хан Миргену:
Полный сил, умом невелик,
Могучим человеком оказался.
Во время, когда узнала, что Хан Мирген
На деве Ай Арыг на соловом коне
Будет жениться.

*Ай Арыг хысты сынап көргенде,
Артых полтыр Хан Миргеннең,
Арыг сагыстыг, көп пілігзі,
Чалгыс кізі чагбан паарлыг,
Өкіс кізі нымзах чүректіг,
Аннаңар Алтын Чачах хысха,
Кіліп, полыс ит парча [9, с. 91].*

К деве Ай Арыг пригляделась,
Лучше Хан Миргена оказалась,
С чистыми помыслами, большими знаниями
Одинокий человек с доброй душой,
Сирота – с добрым сердцем,
Поэтому к деве Алтын Чачах
Приезжает помочь [пер. автора].

Интересен образ Хара Мартхи из сказания «Хубан Арыг» [10], дочери брата главного героя, которая имеет двойственную природу: месяц со светлыми мыслями, месяц – с бесовскими. Такие богатыри обычно рождаются, если один из родителей происходит из Нижнего мира. Примечательно, что Хара Мартха также владеет магическими предметами и использует для благих дел волшебный белый платок. Расстелив на золотом столе белый шелковый платок, они с Хара Ханом увидели, что творится в Нижнем мире: «живая» стрела уничтожает всё на своём пути, остановить её пытается белая священная собака и девочка в красном шелковом платье. Главный герой Хара Хан, не зная времени превращения Хара Мартхи в богатырку с темными мыслями, чуть не погиб от её рук. В изучении особенностей восприятия мира героями хакасского эпоса важно учитывать и такой принцип, как биполярность. Так, в вышеуказанном сказании в образе богатырки, месяц являющейся «светлой», а следующий – «тёмной», с очевидностью проявляется наличие бинарной оппозиции «светлое–тёмное». Таким образом, уже на одном этом примере можно утверждать, что и в мифологии хакасов отражён закон бинарных оппозиций.

Образ шаманки

В традиционном мировоззрении хакасов вера в загробный мир, в существование жизни после смерти лежала в основе погребально-поминальных обрядов. В общении с потусторонним миром могли помочь шаманы, считалось, что именно они сопровождали душу умершего человека в мир мёртвых. Шаманы отправлялись в загробный мир, чтобы «вызволить» оттуда душу преждевременно умершего человека. Они совершали обряд «возвращения души человека». Так, В. А. Бурнаков в своей статье, ссылаясь на полевые записи Н. С. Тенешева, описывает камлание шамана Макара Томозакова, во время которого он «отправляется» в «мир мёртвых» [11, с. 607–616]. Здесь наблюдаются схожие моменты в «топографии» иного мира, в описании обитателей этого пространства с моментами, встречающимися в сказании «Хубан Арыг».

Как известно, «шаманские обряды “возвращения души человека” совершались у хакасов вплоть до 1940–1950-х гг. Несмотря на то, что к середине XX в. в результате усиленных антирелигиозных мероприятий ритуальная практика шаманов была ослаблена, воззрения о возможности посещения потустороннего мира не только шаманами, но и обычными людьми во время сна и иных состояний сознания продолжали широко бытовать» [12, с. 608].

В «Хубан Арыг», записанном С. И. Шулбаевым, также даётся детальное описание Нижнего мира, куда после своей смерти отправляются души умерших – юзюты. В сказании структура этого мира сложная, состоит из земель черного, желтого, белого юзютов. Пройти все ступени проверок охранников Нижнего мира очень трудно, поэтому туда не попадают души живых людей, лишь люди, обладающие способностью перемещения во всех трёх «мирах». Такой способностью обладают шаманы или люди с особым складом нервной системы и психики, который позволяет им вступать в прямое взаимодействие с миром духов. Героиня Хубан Арыг обладает такими знаниями, и в течение девяти дней она должна, спустившись в мир «мёртвых», вернуть душу умершей белой собаки. Во время такого путешествия в Нижний мир, сказитель описывает магические способности шаманки, с помощью которых она спасает белую собаку.

«Мир мёртвых», по рассказам хакасских шаманов, находится очень далеко. Ради «достижения» Юзют *чирі* (земли) требовалось приложить немало усилий, например, необходимо было переправиться по мифической глубоководной реке, текущей на север. В хакасской традиции вода олицетворяет субстанцию, исходящую из подземного мира, и имеет непосредственную с ним связь [13, с. 42].

Для преодоления реки «мертвых», через которую плывут девять дней, Хубан Арыг превращается в белого ястреба и перелетает, оставив своего коня на берегу, предварительно превратив его в песок. Переправляют через эту реку на лодке, богатые стоят первыми в очереди, у бедных ожидание длится бесконечно долго. «Превращение человека в зверя или птицу – излюбленный прием архаичной поэтики. Эта же способность является неотъемлемым профессиональным качеством шамана. При этом в своих странствиях он, как и эпический герой, начинает понимать язык природы» [14, с. 17].

Чтобы преодолеть землю черного юзюта, Хубан Арыг пришлось воспользоваться магической способностью и, превратившись в вихрь, пролететь мимо стражниц, которые тщательно проверяли, чтоб не пропустить живые души на землю «мертвых». По поверьям хакасов, шаманы были одержимы ветром. В хакасском языке есть слово *чилбекчи*. *Чилбирге* – «веяние»: шаманить, прогонять злого духа с помощью платка, старой одежды (например, мужских штанов) [15, с. 966]. В то же время вихрь – *эбертых*, в понимании хакасов, одна из «посмертных теней» покойного [16, с. 84]. Поэтому в сказании шаманка Хубан Арыг легко стала невидимой для охранников, превратившись в вихрь.

Следующим препятствием на пути спасения души белой собаки была желтая река, которую героиня преодолела, пролетев через неё в образе вихря. Землю желтого юзюта охраняли девять парней и девять девушек. Чтобы пройти через них, Хубан Арыг напускает сильный дождь, потом невыносимую жару, от которой стражники засыпают. Это воздействие является типологическим, как и последующее, использованное при прохождении земли белого юзюта. Охранники решили проверить, на самом ли деле это душа умершей Хубан Арыг. Тогда шаманка, превратив свой волос в саму себя, перешла через поле, не подняв пылинки, а сама превратилась в белый цветок. Второе коварное задание стражников: сесть на засохший дягил, не прогнув его. Согласно южно-сибирским поверьям, «душа» покойного якобы узнавала о собственной смерти лишь на сороковой день, обнаружив, что травинка под ней не гнётся, а на золе очага она не оставляет следов.

В сказании «Хубан Арыг» обнаруживаются традиционные задания, которые используют для определения состояния «души» человека. В сказании «Хара Хусхун», записанного от П. В. Тоданова, также встречается данный мотив. Стражники Нижнего мира проверяют души умерших людей, чтобы удостовериться в отсутствии веса (души усопших абсолютно невесомы) и пропускают их дальше.

В этнографической литературе также встречаются факты проверки подлинности «умершей» души. Проследив путь в мир «мертвых» шамана Макара Томозакова, исследователь даёт описание волосяного моста: «Дальнейший путь пересекала широкая река, через которую был натянут волосяной мост (хыл кёбiрткi). И даже при отсутствии ветра мост все время раскачивался. Ни одно живое существо не могло пройти по этому мосту. По нему переправлялись юзюты, “не имеющие никакой тяжести”. Шаманы проходили по мосту при помощи своих тёсей» [15, с. 611].

Интересно, что в полевых записях Н. С. Тенешева шаман проходит испытания стражников, обманув их, что он якобы преждевременно умер, не дожив установленного срока, и преодолевает препятствия с помощью своих помощников-тёсей (*тёс* – фетиш). Когда он находит душу нужного человека, *тёси* тут же поднимают шамана и несут его обратно в мир живых. Пропажу души сразу же обнаруживают охранники. Слуги Эрлик-хана отправляются в погоню. Оторваться от погони шаману помогает *тёс* Хус (птица).

В эпосе же Хубан Арыг превращается в белого ястреба, чтобы уйти от погони охранников земли юзютов, а доставив на место душу белой собаки, воскрешает её с помощью белой и синей травы, помавав белым шелковым платком, возвращает ей душу.

Таким образом, в сказании мы встречаем подробное описание путешествия шаманки в мир «мертвых», где она проходит через все препятствия, которые чинят охранники Нижнего мира. Для оживления зооморфного помощника использует волшебную белую и зеленую траву, белый шелковый платок. Образ шаманки Хубан Арыг правдоподобно изображён через её поступки и действия, показывающие магические свойства персонажа, обладающего способностью перемещения во всех трёх мирах.

Образ шамана

Образов женщин, имеющих магические знания в сказаниях, записанных от С. И. Шулбаева много. Каждая имеет своё предназначение, но необходимо показать и образ шамана, которого подробно описал талантливый сказитель.

В сказании «Хубан Арыг» вводится образ шамана Толгай-хама, имеющего девять бубнов. Впервые о существовании этого шамана главный герой сказания узнаёт от пестрого быка, который советует прислушаться к словам всеведущего Толгай-хама. Он живёт внутри девятигранной черной скалы на границе Среднего и Нижнего миров. Хара Хан обращается к шаману с просьбой предсказать исход путешествия в Нижний мир. Интересно описание камлания Толгай-хама, который использует все девять бубнов, чтобы найти ответ на вопрос богатыря:

*Орбазын хаап, оң холына тутхан.
Пастагы түүрін сол холга тудып,
Ахсын азынып, изеп алган.
Ала хараан ай чили чарыда көргөн,
Ах чалын от көйгөскөн.
Ікі хараан күн чили палыңнада көргөн,
Көк чалын от көйгөскөн
Хартыга чили хазайта көргөн,
Ўгү чили үлейте ол көргөн.
Түүрін саап, хамнап сыххан,
Улуг күгүрт хан тигирге,
Улуг нызырт
Хырых там чир алтына истіл турган.
Пастагы түүрі
Пір ниме сизинмеен,
Пір ниме чоохтабаан.
Читі түүрге читіре хамнаан,
Пір чоох чоохтабаан,
Пір сөс сөлебин салган.
Тогыс түүрліг Толгай хам, тарынып,

Уламох харагын улуг көргөн,
Уламох тың хамнап сыххан.
Чир чалбахтың үстүнде
Улуг күгүрт, улуг нызырт полып тур.
Улуг таглар күүлес тур,

Улуг суглар соолап тур.
Сигізігчі түүрін хаап,
Хазыр хамнап сыххан [14, с. 34].*

Схватив колотушку, взял в правую руку.
Первый бубен, взяв в левую руку,
Открыв рот, позевал.
Светлыми глазами, как месяц, посмотрел,
Белое пламя огня зажег.
Двумя глазами, как солнцем сверкая, взглянул,
Синее пламя огня зажег.
Взглянул острым взглядом, как ястреб,
Как сова, зорко посмотрел.
Стуча в бубен, камлать начал,
Сильным громом на небе,
Сильным грохотом
Слышался под сорока слоями земли.
С первым бубном
Ничего не заметил,
Ничего не сказал.
До семи бубнов шаманил,
Ничего не промолвил,
Ни одного слова не сказал.
Толгай хам с девятью бубнами, рассердившись,

Еще глаза шире раскрыл,
Еще сильнее камлать начал.
На поверхности земли
Сильно загремело, сильно загрохотало.
Высокие горы загудели,

Большие реки зашумели.
Восьмой бубен схватив,
Грозно стал камлать [пер. автора].

Из примера видно, как природа помогает в камлании шаману, далее сказитель подробно рассказывает про действия Толгай-хама при использовании восьмого и девятого бубнов. Описывает места, действия, которые будут происходить в преисподней. Что необходимо предпринять, чтобы вернуться живым и невредимым, даёт советы богатырю как преодолеть препятствия, одолеть противника.

Заключение

Таким образом, тексты сказаний, записанные от сказителя С. И. Шулбаева ценны тем, что в них наряду с образом шаманки существуют и образы зооморфных помощников: белой священной собаки и пестрого быка. В ходе проведения сравнительного анализа образа шамана в этнографической литературе и шаманки в сказании «Хубан Арыг» выявлены: схожие элементы

в топографии «мира мертвых»; одинаковые средства передвижения по потустороннему миру; одинаковые хитрые уловки, помогающие перемещаться в ином мире; похожие способы проверки «мёртвости» умершего. В сказаниях С. И. Шулбаева прослеживаются разные типы женщин, сведущих во всех трёх мирах, владеющих магическими способностями, обладающих разной силой. Все они играют в мире героического эпоса важную поддерживающую роль, являясь основой мирной и счастливой жизни богатырей.

Литература

1. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Т. 2. – Тюмень : Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
2. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен / перевод Н. Ф. Катанова. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1907. – 659 с.
3. Потапов Л. П. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья // Филология и история монгольских народов : сборник статей / ответственный редактор Г. Д. Санжеев. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 314–322.
4. Майногашева В. Е. Образ Хуу-Иней в хакасском героическом эпосе // Исследования по языку и фольклору : сборник статей. Вып. 1 / редколлегия : В. А. Аврорин [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1965. – С. 202–222.
5. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан : Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1972. – 311 с.
6. Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 254 с.
7. Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 208 с.
8. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Ленинград : Наука, 1979. – 490 с.
9. Сагалаев А. М. Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев // Известия СО АН СССР. Серия : История, филология и философия. – 1985. – № 9. – Вып. 2. – С. 53–56.
10. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөздігі. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. Ойунский П. А. Якутская сказка, её сюжет и содержание. – Якутск : Сайдам, 2013. – 96 с.
12. Хан Орба : Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева / подготовка к изданию А. К. Майтаковой. – Абакан : Хакасское изд-во, 1989. – 208 с. (На хакасском яз.)
13. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо : автореф. дис. ... к. филол. н. – Улан-Удэ, 2008. – 21 с.
14. Хубан Арыг. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева / литературная обработка А. К. Майтаковой. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1995. – 192 с. (На хакасском яз.)
15. Бурнаков В. А. Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – Вып. 22. – С. 607–616.
16. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев и др. – Новосибирск : Наука, 1989. – 243 с.

References

1. Kastren M. A. Journey to Siberia (1845–1849). Vol. 2. Tyumen, Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (In Russ.)
2. Radlov V. V. Samples of folk literature of Turkic tribes. Transl. by N. F. Katanov. Saint Petersburg, 1907, 659 p. (In Russ.)
3. Potapov L. P. To the study of shamanism at peoples of Sayan-Altai plateau. In: Philology and history of the Mongolian peoples: a collection of articles. Ed. G. D. Sanzheev. Moscow, Oriental literature Publ., 1958, pp. 314–322. (In Russ.)
4. Maynogasheva V. E. The image of Huu-Inej in the Khakas heroic epic. In: Studies on language and folklore: article collection. Iss. 1. Ed. V. A. Aurorin, etc. Novosibirsk, Nauka Publ., 1965. (In Russ.)
5. Ungvitskaya M. A., Maynogasheva V. E. Khakas folk poetic art. Abakan, Khakas branch of Krasnoyarsk Book Publ. House, 1972, 311 p. (In Russ.)

6. Butanaev V. Ya. Traditional shamanism of Khongoray. Abakan, Publ. House of N. F. Katanov Khakas State University, 2006, 254 p. (In Russ.)
7. Burnakov V. A. Spirits of the Middle World in the traditional Khakasian worldview. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS Publ., 2006, 208 p. (In Russ.)
8. Zhirmunsky V. M. Comparative literary studies. East and West. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 490 p. (In Russ.)
9. Sagalaev A. M. The epic teller and the shaman in the traditional culture of the Altaians. *Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: History, Philology and Philosophy*. 1985, no. 9, iss. 2, pp. 53–56. (In Russ.)
10. Khakas-Russian dictionary. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p.
11. Oyunsky P. A. Yakut tale, its plot and content. Yakutsk, Saidam Publ., 2013, 96 p. (In Russ.)
12. Khan Orba: Bogatyr tale recorded from S. I. Shulbaev. Prep. for publication by A. K. Maitakova. Abakan, Khakas Publ. House, 1989, 208 p. (In Khakasian)
13. Danilova A. N. The image of the woman-warrior in the Yakut olonkho. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Ulan-Ude, 2008, 21 p. (In Russ.)
14. Khuban Aryg. Bogatyr tale recorded from S. I. Shulbaev. Literary processing by A. K. Maitakova. Abakan, Khakas Book Publ. House, 1995, 192 p. (In Khakasian)
15. Burnakov V. A. Journey to the “world of the dead”: the mysteries of the Khakas shaman Makar Tomozakov. *Problems of history, philology, culture*. 2008, iss. 22, pp. 607–616. (In Russ.)
16. Traditional worldview of the South Siberian Turks. Man. Society. E. L. Lvova, I. V. Oktyabrskaya, A. M. Sagalaev, et. al. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 243 p. (In Russ.)